

**УКРАИНЦЫ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПАХ МОЛДАВСКИХ
ЛЕТОПИСЦЕВ, РУМЫНСКИХ ИСТОРИКОВ
И ПИСАТЕЛЕЙ: ОБРАЗ ИВАНА ПОДКОВЫ – КАЗАЦКОГО
ПРЕДВОДИТЕЛЯ И МОЛДАВСКОГО КНЯЗЯ**

**UKRAINIANS IN ETHNOCULTURAL STEREOTYPES OF MEDIEVAL
MOLDAVIAN CHRONICLERS, MODERN AND CONTEMPORARY
ROMANIAN HISTORIANS AND WRITERS: IMAGE OF IVAN PIDKOVA
AS LEADER OF COSSACKS AND MOLDAVIAN PRINCE**

Антоний Мойсей

Буковинский государственный медицинский университет,
Черновцы (Украина)
antoniimoisei@rambler.ru

Аркадий Мойсей

Педагогический колледж
Черновицкого национального университета
им. Ю. Федьковича, Черновцы (Украина)
arcadiimoisei@mail.ru

Rezumat: Ucrainenii în clișeele etnoculturale ale cronicarilor moldoveni medievali, istoricilor și scriitorilor români moderni și contemporani: imaginea lui Ion Nicoară Potcoavă - căpetenie căzăcească și domn moldovean

Viața unei personalități istorice reale - Ion Nicoară Potcoavă, ataman căzăcesc și Domn al Moldovei (1577), servește autorilor articolului drept element primar pentru analiza procesului de constituire a clișeele etnice cu privire la ucrainenii în mediile cronicărești moldave și în rândul istoricilor și scriitorilor români. Studiul se întemeiază pe analiza critică a izvoarelor: letopisețe, documente de arhivă, opere istorice și literare.

Abstract: Ukrainians in ethnocultural stereotypes of medieval Moldavian chroniclers, modern and contemporary Romanian historians and writers: image of Ivan Pidkova as leader of Cossacks and Moldavian prince

The life of a real historical figure - Ivan Pidkova, ataman (leader) of Cossacks and Prince of Moldavia (1577), serves as main instrument in the authors' analysis on the formation of ethnic stereotypes about Ukrainians in Moldavian chronicles and among the

Romanian historians and writers. The study is based on critical analysis of the sources: chronicles, archive documents, historical and artistic works.

Résumé: Les Ukrainiens dans les clichés ethnoculturels des chroniqueurs moldaves médiévaux, des historiens et des écrivains roumains modernes et contemporains: l'image de Ion Nicoară Potcoavă – chef cosaque et prince régnant moldave

La vie d'une personnalité historique réelle – Ion Nicoară Potcoavă, hetman cosaque et Prince régnant de la Moldavie (1577) sert pour les auteurs de l'article ci-joint comme élément primaire pour analyser le processus de constitution des clichés ethniques concernant les Ukrainiens dans les milieux des chroniques moldaves et parmi les historiens et les écrivains roumains. L'étude se base sur l'analyse critique des sources: chroniques, documents d'archives, œuvres historiques et littéraires.

Keywords: *Ukrainians, Romanians, Moldovan, Moldavians, Ivan Pidkova, Cossacks, Moldavia.*

Вступление

Восприятие украинцев соседними народами на протяжении веков оформилось в устойчивый гетеростереотип, совокупность оценочных суждений, которые стали ядром стабильных представлений о внешнем виде, об историческом прошлом и особенностях образа жизни данного народа. Второй частью этого этнического стереотипа является целый ряд суждений о коммуникативных и моральных качествах, которые не характеризуются стабильностью, а имеют тенденцию к изменчивости.

Дело в том, что характер стереотипа, его качество, в значительной степени определяется теми социальными задачами, которые пытаются решить его носители. Изменение оценок, указанных качеств, тесно связано с динамикой в межнациональных и межгосударственных отношениях.

Эволюция становления стереотипа относительно казацкого гетмана Ивана Подковы в общественном мнении румыноязычного сообщества раскрывает механизм этого этнопсихологического явления. Изучение названной эволюции и воздействий, которые способствовали формированию данного стереотипа, составляют основную цель предложенного в этой статье исследования.

Краткий обзор источников и историографии

Источником сведений об этой исторической фигуре служат летописи

того времени: «Летопись Земли Молдавской»¹ Григория Уреке и «Хроника польская»² под редакцией Мартина (Иоакима) Бельского, «Описание Европейской Сарматии»³ итальянца Алессандро Гваньини из Вероны, в том числе и украинские хроники, касающиеся упомянутой темы⁴. Документы, которые раскрывают фактическую сторону проблемы, нашли свое отражение на страницах целого ряда румынских сборников документов.⁵ Ценный материал содержится в воспоминаниях иностранных свидетелей тех событий.⁶

Особе Ивана Подковы уделено значительное количество исторических работ и художественных произведений, как в украинской⁷,

¹ Grigore Ureche, *Letopisețul Țării Moldovei ... De la Dragoș-Vodă până la Aron-Vodă* [The Chronicle of Moldavia ... From Prince Dragoș to Prince Aron], in *Letopisețul Țării Moldovei. Grigore Ureche. Miron Costin. Ion Neculce* [The Chronicle of Moldavia. Grigore Ureche. Miron Costin. Ion Neculce], edited by T. Celac, Chișinău, Editura Universul, 2006.

² J. Bielski, *Kronika polska* [The Polish Chronicle], ed. K. J. Turowski, Sanok, 1856, p. 1430.

³ Олександр Гваньїні, *Хроніка Європейської Сарматії* [The Chronicle of the European Sarmatia], Київ, Києво-Могилянська академія, 2009, 1006 с.

⁴ Mihail Dan, *Știri privitoare la istoria Țărilor Române în cronicile ucrainene* [News on the History of Romanian Principalities in Ukrainian chronicles], in "Studii și materiale de istorie medie" [Studies and Materials of Medieval History], București, II, 1957, p. 284.

⁵ Eudoxiu Hurmuzaki, *Documente privitoare la Istoria Românilor* [Documents concerning the History of Romanians], București, 1900, XI, p. XXXIV, note 3; *Documente privind istoria României (Moldova). Sec. XVI* [Documents concerning the History of Romanians (Moldova). XVI century], București, 1953, Vol. III, doc. 514, p. 425; Nicolae Iorga, *Acte și fragmente cu privire la istoria românilor adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului* [Acts and pieces concerning the history of Romanians gathered from manuscripts deposits of the West], vol. I, București, 1895, p. 114, 120; A.Papadopol-Calimah, *Cântecul hatmanului Ivan Serpeaga (Ioan Potcoavă, Crețul, domnul Moldovei (1577-1578). Cântec popular din Rusia Meridională* [Song Serpehy Ivan (John Horseshoe, Curly, hospodar of Moldavia (1577-1578). Folk Song of the South of Russia], în „Convorbiri literare” [Literary Talks], XXI, nr. 11, Iași, 1888, p. 999-1009; A. Veress, *Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești. Acte și scrisori* [Documents about history of Transylvania, Moldova and Romania. Acts and letters], vol. II (1573-1584), București, Imprimeria Națională, 1930, p. 140-141, 147-148, 154-155.

⁶ *Історія Львова в документах і матеріалах. Збірник документів та матеріалів* [History of Lviv in documents and materials. Collection of documents and materials], Київ, Наукова думка, 1986, с. 41-43; *Călători străini despre Țările Române* [Foreign travelers about the Romanian countries]. Book edited de M. Holban, M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru, P. Cernovodeanu, vol. III, București, Scientific and Encyclopedic Publishing House, 1971.

⁷ Мирослав Мамчак, *Іван Підкова – гетьман запорозького козацтва* [Ivan Pidkova – Hetman of Zaporizhian Cossacks] in “Флотоводці України. Історичні нариси,

так и в румынской литературе⁸. Следует отдельно отметить краткую, но очень содержательную статью Т. Чобану⁹. Маленький эпизод правления казака на троне средневековой Молдовы не выпал из поля зрения авторов истории Молдовы и Румынии¹⁰.

хронологія походів”, Снятин, 2005, in http://www.ukrlife.org/main/prosvita/_pidkova.html (Accessed in 11.12.2013); Андрей Павлович, *Дума об атамане Подкове, убитому Польшей во Львове* [Duma about Hetman Pidkova, killed by Poles in Lviv] in Избранные произведения, Пряшев, Изд-во культурного общества украинских трудящихся, 1955, с. 127–136; Олексій Романець, *Шевченків «Іван Підкова» у літературній традиції* [“Ivan Pidkova” by Shevchenko in literature tradition] in “Збірник праць п’ятнадцятої наукової шевченківської конференції”, Київ, 1968, с. 222-235; Николай Мохов, *Боевое содружество украинских казаков и молдаван в 70 – 80-х годах XVI в. и деятельность И.Подковы* [Battle concord of Ukrainian Cossacks and Moldavians in the 70-80 years of XVI century and activity of I. Pidkova] in “Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР”. Серия историческая, 1957, Т. 6, с. 29-41.

⁸ Богдан Хашдеу, *Иоан-Водэ чел Кумплим* [Ioan Vodă the Terrible] in „Опере алесе” [Selected Works], Кишинэу, Картя молдовеняскэ [The Moldavian Book Publishing House], 1967, Вол. II [vol. 2], р. 7-137; Florin Pintescu, *Unele considerații privind relațiile moldo-cazace în evul mediu* [Some considerations regarding Moldovan-Cossack relations in the Middle Ages] in „Україна – Румунія – Молдова: Историчні, політичні та культурні аспекти взаємин” (Міжнародна наукова конференція 16-17 травня 2001 р.), Чернівці, 2002, с. 73-90; Viorel Dolha, *Români uitați. Articolul „Țara noastră de dincolo de Nistru”. Țara nimănu* [Forgotten Romanians. The article “Our country beyond the Dniester river. No Man's Land”] in <http://ro.altimedia.info/romani-uitati>; Claudiu Pădurean, *Cum a ajuns Nicoară Potcoavă idolul ucrainenilor* [How Ivan Pidkova became the idol of the Ukrainians] in www.romanalibera.ro/cultura/aldine/ (Accessed in 23.12.2011); Alexandru Odobescu, *Doamna Chiajna* [Princess Chiajna]. in *Scrieri alese* [Selected Works], București, Romanian Cultural Foundation Publishing House, 1995, p. 41-76; Radu Economu, *Sfârșitul lui Ioan Nicoară Potcoavă* [The End of Ivan Nicoară Pidkova] in „Magazin istoric” [Historical Magazine], no. 11, București, 1970, p. 66; *Uciderea domnitorului Nicoară Potcoavă, din romanul lui Mihail Sadoveanu* [Murder of the Hospodar Ivan Pidkova, from the novel of Mikhail Sadoveanu] in www.lovendal.ro (Accessed in 10.08.2009).

⁹ Tiberiu Ciobanu, *Ioan Nicoară Potcoavă, domn al Moldovei (1537-1558)* [John Ivan Pidkova, the Hospodar of Moldavia (1537-1558)] in <http://www.agero-stuttgart.de/REVISTA-AGERO/ISTORIE/Ioan%20Nicoara%20Potcoava%20de%20Tiberiu%20Ciobanu.htm> (Accessed in 20.12.2013).

¹⁰ *История РСС Молдовенешть* [History of the Soviet Socialist Moldavia]. vol. I, Кишинэу, Картя молдовеняскэ [Moldavian Book], 1967, 710 p.; *Istoria României. Compendiu* [History of Romania. Compendium], București, Didactic and Pedagogic Publishing House, 1974, 559 p.; *Istoria românilor. Compendiu* [History of Romania. Compendium], coordinated by I. Agrigoroaiei and I., Toderășcu, București, Culture without frontiers („Cultura fără frontiere”) Publishing House, 1996, 369 p.; Petre P. Panaiteșcu, *Istoria românilor* [History of Romanians], 1st part, Chișinău, 1990, 184 p.

Популяризации фигуры славного атамана способствовала поэма Т. Шевченко «Иван Підкова»¹¹, а также роман М. Садовяну «Никоарэ Подкоавэ»¹². Определенную роль в этом сыграли и личные качества героя. В соответствии с надписью под единственным сохранившимся в польском альбоме начала XVII века портретом Подковы, он «был таким сильным, что не только ломал подковы, но и талеры, а когда воткнул талер в деревянную стену, то его нужно было вырубить. Взяв за заднее колесо, он остановил повозку, запряженную шестью лошадьми. Дышло ломал об колено. Взяв зубами бочку с медом, перебросил ее через голову. Взяв в руки воловий рог, пробил им ворота».

Исследуя происхождение атамана, которому удалось занять молдавский княжеский стол, большинство авторов сходятся на той версии, что по материнской линии он был армянином по фамилии Серпега¹³. Б. П. Хашдеу утверждал, что его армянская фамилия «Карабиед Сербега, он был известен в наших (т. е. молдавских) летописях как Иоан Крецул (Кучерявый), а в казачьих анналах - как Иоан Подкова»¹⁴. Григоре Уреке называет его в своей летописи «Иоан Поткоавэ, прозванный Крецул, взявший себе имя при правлении Ион Водэ»¹⁵. Исходя из показаний документов, он был «Никоарэ, который однажды стал Подковой»¹⁶. Поэтому в румынской литературе его чаще называют Ион Никоарэ Подкоавэ¹⁷. М. Мамчак утверждает, что запорожцы окрестили его сначала Волошиным¹⁸. В украинской историографии гетман упоминается как Иван Пидкова. В литературе, посвященной анализу поэмы Т. Шевченко «Иван Пидкова», ставится под сомнение его гетманство и даже участие в морских походах. Правда, сведения о морской кампании подтверждаются ссылкой на фольклорную поэму «Татарский поход Серпяги»¹⁹. Есть работы, в

¹¹ Тарас Шевченко, *Іван Підкова* [Ivan Pidkova] in "Кобзар", Київ, Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2011, с.78-81; Тарас Шевченко, *Зібрання творів* [Collection of works], К., 2003, Т. 1., с. 122-123, 628-630.

¹² Михаил Садовяну, *Никоарэ Поткоавэ* [Nicoară Pidkova], Кишинэу, Литература артистикэ, 1980, 412 п.

¹³ Tiberiu Ciobanu, *Ioan Nicoară Potcoavă ...*; H.Dj. Siruni, *Legenda Serpegăi* [Legend of Serpyag] in „Arhiva Națională din Iași” [National Archive from Iași], II, Iași, 1936, p. 81-82.

¹⁴ Богдан Хашдеу, *Иоан- Водэ чел Кумплит ...*, p. 118.

¹⁵ Grigore Ureche, *Letopisețul ...*, p. 108.

¹⁶ Eudoxie Hurmuzaki, *Documente privitoare ...*, note 3.

¹⁷ Tiberiu Ciobanu, *Ioan Nicoară Potcoavă ...*; Михаил Садовяну, *Никоарэ Поткоавэ*, Кишинэу, Литература артистикэ [„Artistic Literature” Publishing House], 1980.

¹⁸ Мирослав Мамчак, *Іван Підкова ...*, p. 1.

¹⁹ Володимир Мовчанюк, «Іван Підкова» Тараса Шевченка та проблема

которых современные украинские авторы рассматривают его как флотоводца²⁰. Что касается гетманства Подковы, то следует согласиться с В. Мовчанюком в том, что он, скорее всего, являлся «историческим атаманом» вопреки современному утверждению о том, что он был гетманом украинского казачества. Большинство авторов считает, что он был братом Иона Водэ Лютого, отличившегося мужественным выступлением против турецкого сюзеренитета в 1573-1574 годах (при поддержке запорожских казаков под предводительством гетмана Свирговского)²¹. В польской хронике утверждается, что «Иоан Подкова был из запорожских казаков, природный брат (как некоторые его называли) погибшего Иоана воеводы Молдавии»²², а в украинской уточняется, что в 1577 году «находился среди запорожских казаков родной брат господаря молдавского Ивана, замученного турками, Иван Подкова»²³. В Украине все знали его как «Подкова брата Ивана»²⁴. Но абсолютной ясности в этом вопросе нет. Сам Ион Водэ Лютый, прозванный в летописях Армянином, был внебрачным сыном воеводы Штефэницэ (или Штефана Молодого, внука Штефана Великого). И как отмечает Тибериу Чобану, «нет уверенности в том, что Штефэницэ Водэ (1517-1527) ... был бы и ему (т. е. Подкове – авт.) отцом»²⁵. Вероятно, они были братьями по материнской линии. М. Садовяну в своем романе подает художественную версию этой интриги: «Каломфира (жена Юнга Литяна) родила Иона Водэ от Штефэницэ Водэ (вне брака), а Никоарэ и Александра от Петра сотника»²⁶. Фамилии изменены, но сюжетная линия выглядит правдоподобно. Этот факт давал право Ивану Подкове претендовать на молдавский престол. Согласно правилам наследования княжеской власти в средневековой

історичності поеми ["Ivan Pidkova" by Taras Shevchenko and the problem of historical character of the poem] in "Вісник Львівського Університету. Серія філологія", Львів, 2009, Вип. 48, с. 144-152.

²⁰ Мирослав Мамчак, *Іван Підкова ...*, указ. соч., с. 1.

²¹ Антоній Мойсей, Аркадій Мойсей, *Українці в етнокультурних стереотипах румунів та молдаван (1). Українські козаки очима молдавських середньовічних літописців* [Ukrainians in the ethnocultural stereotypes of Romanians and Moldavians (1). Ukrainian Cossacks from the point of view of Moldavian chroniclers of Middle ages] in "Історико-політичні проблеми сучасного світу. Збірник наукових статей", Чернівці, Чернівецький національний університет, 2013, Т. 25-26, с. 202-208.

²² *Kronika polska ...*, p. 1430.

²³ Mihail Dan, *Știri privitoare ...*, p. 284.

²⁴ Nicolae Iorga, *Acte și fragmente ...*, p. 114, 120.

²⁵ Tiberiu Ciobanu, *Ioan Nicoară Potcoavă ...*, p. 1.

²⁶ Михаил Садовяну, *Никоарэ Поткоавэ ...*, p. 78-82.

Молдавии, претендент должен быть сыном или родственником покойного правителя. Он избирался боярами, но «после восстания Иоана Армянина турки взяли себе право утверждать господаря»²⁷.

Исторический контекст

В Молдавии ситуация после антитурецкого выступления (1574 г.) Иона Водэ была нестабильной. Петр Хромой (Шкьопул), приведенный к власти турками после убийства Иона Лютого, не пользовался популярностью не только среди простых людей, но и среди части боярства. Причиной такого к нему отношения была чрезвычайно большая власть, предоставленная приближенным к нему боярам, что вело к росту их произвола; удвоению дани в пользу Порты; непомерному росту всевозможных налогов, собранных для выплаты долгов, сделанных им в Стамбуле при покупке должности²⁸. Его союзники, татары, после победы над войском Иона Водэ, подвергли Молдову ужасным грабёжам. «Еще никогда не было такого опустошения в стране, – утверждает летописец, – между Прутом и Днестром не осталось людей»²⁹. Поэтому против этого турецкого ставленника часто возникали заговоры, которые активно поддерживали украинские казаки.

Для объективного описания событий, связанных с молдавскими походами Ивана Подковы, следует обратиться к свидетелям тех событий. Одним из них является уже упомянутый Алессандро Гваньини. По его информации, молдавская знать предложила Подкове трон господаря: направила письма киевскому воеводе К. Острожскому и старосте Бара, с просьбой оказать Подкове помощь только до Днестра, где они сами будут ждать его с войском. В Баре к Подкове присоединились шляхтич Копицкий, который двадцать лет жил и воевал среди казаков, и молдаванин Чапа. Они привели к Подкове гетмана Шаха и 330 казаков, и с этими силами Подкова отправился на Молдавию. Однако, услышав, что против них идет воевода Петр с многочисленным войском и пушками, Подкова вернулся в Украину. Господарь Петр и султан немедленно обратились к королю с протестом, и тот приказал коронному гетману и местным магнатам схватить Подкову. Слуга коронного гетмана Боболецкий с тремя ротами войска попытался сделать это, но ему не удалось. Между тем, к Подкове

²⁷ Димитрие Кантемир, *Дескриеря Молдовей* [Description of Moldavia], Кишинэу, Литература артистикэ, 1980, п. 73.

²⁸ *История РССМ ...*, с. 260.

²⁹ Grigorie Ureche, *Letopisețul ...*, p. 107.

вновь пришли 600 запорожцев Шаха (при этом на Низу осталось еще 400 казаков), и он совершил повторную попытку заполучить Молдавию. Когда Подкова пришел в Сороки, «чернь приветствовала его как господаря». Битва под Яссами против превосходящих войск турок и Петра Хромого засвидетельствовала тактическое мастерство казаков. Воевода поставил впереди своего войска 500 янычар с пушками и огнестрельным оружием. Однако казаки, заметив дым от горящих фитилей, по команде упали на землю за мгновение до турецкого залпа. Турки решили, что те убиты, и ринулись на казаков. Но казаки, вскочив, одновременно выстрелили из ружей, положив на месте почти 300 всадников. Остальные бросились враспынную. После этой неудачи Петр Хромой убежал к своему брату, волошскому господарю, и попросил помощи у Порты. Подкова же, которого с энтузиазмом встретило и поддержало население, осуществил ряд существенных шагов для обеспечения необходимой внутренней жизни государства, отпустил всех заключенных. Между тем, по приказу султана, Петр Хромой получил поддержку из Силистрии, Никополя, Видина. Когда турки и Петр подошли к Яссам, казаки вышли им навстречу и возле села Доколина нанесли Петру сокрушительный удар. Бывший господарь едва смог сбежать с поля боя. Однако Подкова не смог воспользоваться победой, потому что против него ополчилось большое семигородское войско. Забрав 14 пушек и «лучшие вещи», Подкова вернулся в Украину. Однако в Немирове брацлавский воевода Я. Збаражский предложил Подкове поехать к королю и объяснить ситуацию. Посредником выступил коронный гетман (он имел королевский приказ любой ценой поймать Подкову), который и доставил Подкову в Варшаву на сейм. Король хотел казнить его немедленно, но шляхта «очень жалела Подкову, как хорошего мужа». Тем не менее, после сейма Подкову отправили в тюрьму в Раву, а потом его казнили во Львове по требованию султана³⁰.

Иван Подкова в западноевропейских источниках

Л. Мюллер, служивший королю Стефану Баторию, оправдывал его действия, но, тем не менее, с симпатией относившийся к казакам, вспоминает о демарше турок, которые требовали от Батория казни Ивана Подковы³¹. Агент тосканского герцога Ф. Талдуччи считал, что казнь

³⁰ Олександр Гваньїні, *Хроніка ...*, р. 229.

³¹ L.Muller, *Kurze und wahrhafte Beschreibung welcher massen dieser jetzt regierungen Konig in Polen Stefanus...*Frankfurt, 1585 in litopis.org.ua/ochima/ocbibl.html (Accessed in 23.11.2013).

казацкого вожака «навлекает позор на польское королевство». Галдуччи, со слов доверенного лица, подробно описал мужественное поведение Ивана Подковы перед казнью: «При объявлении смертного приговора стоял шум от стука барабанов и людей. Подкова обошел два раза площадь, поглаживая бороду и глядя на народ, показывая, что ничуть не боится смерти. Он попросил тишины и, достигнув этого, сказал такие слова: «Господа поляки! Меня привели на смерть, хотя в своей жизни я не совершил ничего такого, за что заслужил бы подобный конец. Я знаю одно: я всегда боролся мужественно и как честный рыцарь против врагов христианства и всегда действовал во благо добра и пользы своей родины, и было у меня единственное желание – быть ей опорой и защитой против неверных, и действовать так, чтобы они остались в своих краях и не переходили Дунай...». Казнь вызвала большое народное сочувствие и столь сильный гнев, что можно было опасаться восстания ... У присутствующих людей из народа покатались слезы, особенно у многих из тех воинов, которые прибыли сюда, очевидно, только ради него. Гайдуки, ожидая чего-либо, стояли с аркебузами наготове... Известно, что это событие вызвало в народе большое недовольство»³². История Ивана Подковы также подробно отражена в реляциях из Варшавы папских нунциев Лаурео и Калигари. Последний, в частности, пишет, что эта казнь, совершенная Стефаном Баторием в угоду туркам, «произвела на всех негативное впечатление»³³.

Образ Ивана Подковы в трудах Григория Уреке

В Молдове эта история впервые попадает на рукописные страницы хроники Григория Уреке в середине XVII века, затем передается из поколения в поколение в копиях Симиона Даскала, Мисаила Кэлугэра и Аксинтия Урикара до тех пор, пока в 1852 году известный румынский историк и политический деятель М. Когэлничяну не осуществил первую его печать. Фактическим материалом для летописи послужили собранные при дворе славянские книги, польская хроника Иоахима Бельского и латинская космография. Основной заслугой текста, по мнению специалистов, является интеграция исторических фактов в систему политической мысли. Г. Уреке называют «идеологом великого молдавского боярства», который «возрождает историю в благоприятном

³² *Исторія Львова в документах ...*, с. 41-43.

³³ *Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований* [Russia and Italy. Collection of historical materials and researches], Санкт-Петербург, Типография Императорской Академии Наук, 1908, Т. 2, с. 59.

для великого боярства свете». В своей внешнеполитической ориентации он был полонофилом, считая, что освобождение Молдовы от турок возможно только в союзе с Польшей.

Исходя из обозначенной выше позиции автора, его негативное видение деятельности Ивана Подковы становится основой для создания первого стереотипа о данной исторической фигуре. При этом подобное восприятие распространяется на весь цикл этой освободительной акции, то есть и на деятельность Иона Водэ Лютого, который имел мужество обратиться к народу во время своей антитурецкой кампании. Хотя вначале Уреке вынужден признать, что новый правитель «острого ума, твердого слова и трудолюбивый и мог бы быть не только здесь господарем, но и другим странам правитель»³⁴, впоследствии называет его Лютым. А причина – в антибоярской политике: «Показывая себя страшным, он не нашел возможности заняться ничем другим, как ужасными казнями и кровопролитием. Он зарезал Ионашка Збиеру на Пасху и многие другие убийства совершил»³⁵. Новый господарь уничтожал также представителей церкви, которые сильно обогатились. «И считал он, – продолжает летописец, – что нет никого достойнее его. Над верой насмеялся, потому что во время великого поста женился и много других нарушений закона совершил»³⁶. Согласно позиции Уреке, из-за этих нарушений, турецкий султан решил устранить господаря с должности и это повлекло восстание (на самом деле причина была в требовании турок дублировать ежегодную дань)³⁷. Поэтому и суть событий летописец излагает в неблагоприятном для повстанцев свете: «Собрав народ, чтобы завоевать их сердца, он обратился к нему мягкими словами о турецкой жадности (свою – он не видел), говоря, что турки все меняют для увеличения дани, которая отягощает народ, обедняет и обессиливает его». Он также скептически относился к вероятности получить необходимую помощь от поляков, в чем воевода заверял своих сторонников. Зато он не ставит под сомнение слова князя о том, что запорожские казаки, которые обещали помочь, «всегда побеждают турок»³⁸.

Олицетворением турецкого вмешательства в этот период выступает их ставленник Петру Водэ Шкьопул (Хромой). Он с помощью турецко-татарских войск и ценой опустошения страны становится правителем

³⁴ Grigorie Ureche, *Letopisețul ...*, p. 101.

³⁵ *Ibid.*, p. 102.

³⁶ *Ibid.*, с. 103.

³⁷ Богдан Хашдеу, *Иоан- Водэ чел Кумплит ...*, p. 46.

³⁸ Grigorie Ureche, *Letopisețul ...*, p. 103.

Молдовы, и, конечно, всеми патриотами воспринимается как раболепный и угодливый слуга османов. Однако, в восприятии Г. Уреке, тот выступает как идеальный правитель. Хромой у него наделен «всеми достоинствами, которые необходимы честному господарю, потому что он боярам был отцом, держал их в большом почете и следовал их советам беспрекословно. Для страны был защитником, к бедным милостив, монахов и монастыри укреплял и миловал ... судил мягко и без лицемерия». Когда в очередной раз султан решил увеличить дань Молдове, Петру Хромой подал в отставку. Это послужило Уреке поводом для нового панегирика этому правителю. Он предлагает назвать Петра Милостивым, потому что он был «хозяином кротким, как matka без жала, в суде справедливым, непьющим, не развратником, не жадным, не мотом, все делал по древним предписаниям...»³⁹. Одновременно летописец сетует на судьбу Петра Хромого: «имел постоянные хлопоты с казаками, от одних не успевал избавиться, как другие против него шли...»⁴⁰.

В контексте подобного понимания политической ситуации стереотип Ивана Подковы преподносится именно в образе возмутителя спокойствия, мятежника. Летописец представляет его как некоего проходимца по прозвищу Иван Поткова, «потому что рвал подковы», в то время как другие, по информации Уреке, называли его Кучерявым. Он выдавал себя за брата Иона Лютого, ссылаясь на то, что родом из Мазовии, откуда был и упомянутый воевода, и утверждал, что имеет право на молдавский престол. Желая идти на Молдову, он решил хитростью заполучить на это разрешение от начальства. Для этого «он подделал письма со многими печатями от бояр и придворных земли Молдавской», согласно которым его приглашали на трон. Тем не менее, Уреке не отрицает наличия сторонников Подковы в Молдове, наоборот, по отдельным данным, были люди, желавшие его прихода. С этими письмами Кучерявый-Подкова приходит к Киевскому воеводе князю Константину и к Барскому старосте, доказывая, что его приглашают на княжение. Одновременно он обещает, что и они, в случае оказания ему помощи, будут иметь большую выгоду из этого. Но его не поддержали, ссылаясь на волю короля не нарушать мир с турками. Помощь Подкове предоставил некий Колицкий, который имел большое влияние на Сечи. Тот «некоторых обещаниями накормил, – говорит автор хроники, – других – деньгами, из тех, что сам собрал, глаза подмазывая, склонил; смог приблизить к себе молдаванина по имени Чапа,

³⁹ *Ibid.*, p. 115.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 111.

давно женившегося среди казаков»⁴¹. Таким образом, им удалось собрать 330 казаков, возглавляемых гетманом Шахом, для похода в Молдову. Им навстречу вышло войско Петра Хромого, вооруженное артиллерией. Казаки, осознав преимущество молдавского правителя, были вынуждены отказаться от кампании. «Прихватив, что смогли у границы, казаки вернулись назад, сохраняя свои силы для следующего раза, пошли готовиться», – излагает свое видение Уреке. Боясь новых нападений казаков на Молдову и грабежа с их стороны, князь направил через кастеляна Галицкого письмо польскому королю, в котором выражал свое недовольство тем, что казаки претендуют на его престол и тем самым нарушают подписанный с Портой мир⁴². Таким образом, действия Подковы оценивались как нападение на турецкие территории, считавшиеся Речью Посполитой как нежелательные из-за соответствующих договоренностей со Стамбулом. В такой политической ситуации Иван Подкова должен был стать жертвенной пешкой в геополитической игре.

Казацкий предводитель и претендент на чужой трон должен быть задержан на территории Украины и подвергнут суду. Но это, как уже отмечалось выше, польской власти не удалось. Иван Подкова осуществляет вторую попытку захватить власть, которая оказалась удачной. Казаки в двух битвах побеждают войско Петра Хромого. Притом летописец не отрицает смелости и военного мастерства запорожцев. Он описывает и удачный маневр казаков в первом бою, когда они успешно обошли артиллерийский огонь противника⁴³ и смогли 23 ноября 1577 г. привести к власти своего атамана, и битву при Доколине, в которой сечевики успешными действиями перехитрили конкурента⁴⁴. Автор описывает также состав противоборствующих сторон: Хромого поддержали турки, татары с Добруджи и Буджака, мунтяны и молдаване с юга, а с казаками Кучерявого вместе выступило «молдавское войско, ибо многие присягнули» новому правителю. Этот печальный для него факт Уреке вынужден с горечью констатировать еще при вхождении казаков в Молдову: «Кучерявый уже с большим количеством людей лучше подготовился и перешел границу страны у Сороки. Там, таково естество человеческое, как узнали о новом господаре, многие поклонились ему»⁴⁵.

Победа при Доколине не позволила Подкове удержаться на престоле.

⁴¹ *Ibid.*, p. 108.

⁴² *Ibid.*, p. 109.

⁴³ *Ibid.*, p. 109.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 110.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 109.

На него надвигалось большое войско из Венгрии, поэтому он был вынужден вернуться в Польшу. Здесь у него возникли проблемы с польской властью: его хотели задержать, но на некоторое время ему удалось это предотвратить. По рассказу летописца, воевода Брацлавский вызвал гетмана Шаха на такой разговор: «Вы нанесли королю и стране большой вред, вы нарушили мир с турками. Поэтому устраните Кучерявого и идите к (коронному) гетману. Он его пошлет к королю, и вы останетесь чистыми. И Кучерявого еще освободят, потому что король поймет, насколько он полезен». Дальнейший ход событий Уреке изложил кратко: «Думая, что король поможет ему стать правителем», И. Подкова заблуждался, потому что «король бросил его в тюрьму и вскоре отсек ему голову»⁴⁶.

Итак, Григорий Уреке не искажает исторические события, фактологическая часть рассказа соответствует исторической реальности, но он придает им определенную идеологическую окраску. Для него Иван Подкова Кучерявый является одним из многочисленных «панычей» (*domnişori*) – незаконных претендентов на престол Молдовы, который, по сути, вмешивается во внутренние дела соседней страны. Более того, это происходит во время правления идеального для него правителя – «матки без жала» Петра Хромого Милостивого. Такая оценка исторической фигуры казацкого вожака была положена в основу формирования стереотипа о нем, который последовательно закреплялся и в других изданиях.

Иван Подкова – образ негативного героя в румынской историографии

После издания «Летописи» в 1852 году круг его читателей существенно расширился и этот факт, безусловно, закрепил начальный стереотип. К тому же добавились суждения из другого лагеря: из Валахии. Известный в Румынии бухарестский писатель, археолог и политик Александру Одобеску (1834-1895) в своем историческом очерке «Княгиня Кияжна» изображает историю жизни матери Петра Хромого. В антитурецкой кампании Иона Лютого его герои (руководство Мунтянской земли) находились в османском лагере. Они видели казаков с другой стороны, но при этом авторская характеристика не является негативной: «...издалека появилось многочисленное войско. По низкорослым волосатым лошадям, по широким красным шароварам, по их острым киверам, затянутым песням и по высоким копьям, которые блестели на солнце, как колосья на поле, легко угадывались отряды, которые пришли

⁴⁶ *Ibid.*, p. 110.

под руководством Свирского на помощь Иону Водэ»⁴⁷. Но они вместе с молдаванами «подвергли грабежу валашский лагерь», в результате чего на некоторое время все разбежались, впоследствии, однако, вернулись в прежнее состояние и «Петр Хромой, достойный похвалы и любви всего общества, стал правителем в Молдове»⁴⁸. Из этого следует, что те, кто выступал против него, являются узурпаторами, нарушителями покоя и законности государства.

Николае Бэлческу (1819-1852), румынский историк, писатель и революционер, один из лидеров революции 1848 г. в Валахии и Трансильвании, посвятил свою самую популярную историческую работу военному искусству румын⁴⁹. Анализируя времена Петра Хромого, он характеризует Иона Лютого так: «Этот государь (...) одержал определенные триумфы в борьбе с турками, поляками, валахами и имел возможность вернуть молдаванам их давнюю военную славу. Он поднял флаг независимости: но молдаване, недовольные его тиранией, отказали ему в поддержке». Он сравнивал воеводу Петра в битве против войска Ивана Подковы при Доколине с великим Ганнибалом при Замме. «При отсутствии слонов, он поставил перед первой линией стада коров и табуны лошадей, чтобы растоптать пехоту Подковы (...), но казаки позволили приблизиться армии Петра Водэ и внезапно открыли шквальный огонь. Тогда животные, испугавшись, побежали назад и привели войско Петра Водэ в замешательство. Казаки воспользовались этим обстоятельством, они ударили с флангов и победили»⁵⁰. То есть Н. Бэлческу не воспринимает Ивана Подкову как борца за независимость от турок, а просто как очередного претендента на молдавский престол.

Петре Панаитеску (1900-1967), румынский историк и филолог, член-корреспондент Румынской академии наук, в «Истории румын» (1942), популярном школьном учебнике, не отходил от стереотипа, созданного Г. Уреке. «Новый государь, поставленный турками, Петру Шкьопул, – пишет он, – был человеком мягким, состоял в дружбе с боярами, слово которых он не нарушал. Казаки беспокоили его правление, грабя неоднократно Молдову»⁵¹.

⁴⁷ Alexandru Odobescu, *Doamna Chiajna* [Princess Chiajna], in *Scieri alese* [Selected Works], București, Romanian Cultural Foundation Publishing House, 1995, p. 74.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 75.

⁴⁹ Nicolae Bălcescu, *Puterea armată și arta militară la români* [Armed forces and military art at Romanians], București, Military Publishing House, 1990, 302 p.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 72.

⁵¹ Petre P. Panaitescu, *Istoria românilor ...*, p. 156.

Авторы коллективного компендиума «История румын»⁵² (1996) настаивают на оценке событий 1577-1578 годов в версии Г. Уреке. Они очень высоко оценивают деятельность Петра Хромого, подчеркивая такие его заслуги в дипломатии: ему удалось сохранить автономию Молдовы, заключить торговый договор с Англией, защитить православие, гармонизировать отношения между различными группами боярства. При нем, по мнению авторов пособия, культура достигла расцвета, румынский язык начал использоваться в княжеской канцелярии. Никоарэ Подкоавэ в этом контексте упоминается как один из претендентов на княжеской трон, не имея никакого отношения к антитурецкой борьбе⁵³.

Сочувствуют Петру Хромому, который «проходил через тяжелые испытания», и авторы работы «Великие державы и румынское пространство в XV-XVI веках» И. Казан и Е. Дениз⁵⁴. Никоарэ Подкоавэ у них – претендент (узурпатор), который угрожает правлению законного правителя. Выдавая себя за брата покойного Иона Лютого, он завоевал определенный авторитет в народе. «Наверное, в сердцах молдаван героические времена погибшего господаря еще имели резонанс», – вынуждены признать авторы работы.

Таким образом, стереотип Ивана Подковы, в основу которого легла оценка, созданная Г. Уреке в своей «Летописи», закрепился в сознании румынского читателя и имеет приверженцев до сегодняшнего дня. Его основной тезис: «панычи» типа И. Подковы посягали на покой Молдовы и его «милостивое» правление.

Иван Подкова – образ позитивного героя в румынской историографии

Новые идеи свободы, государственной независимости и социальной справедливости, которые проникли в Дунайские княжества вместе с веянием европейской «весны народов», изменили в XIX веке подходы к пониманию исторических событий прошлых эпох. Толкования прошлого базировались на понимании необходимости освобождения от турецких поработителей. Чувствовалась потребность в освещении героики

⁵² *Istoria românilor. Compendiu*

⁵³ *Ibid.*, p. 120-121.

⁵⁴ Ileana Cazan, Eugen Denize, *Marile puteri și spațiul românesc în secolele XV-XVI, capitolul X: Rivalitatea polono-habsburgică în bazinul Dunării și poziția Țărilor Române (1574-1593)* [Great Powers and the Romanian space in 15th-16th centuries. Chapter X: Polish-Habsburg rivalry in the Danube basin and the position of the Romanian Countries (1574-1593)], București: biblioteca.rocarta.info/95 : site „Ioan Potcoavă”, 2002, p. 2 (Accesed in 23.11.2013).

антиосманской борьбы. Деятельность Иона Лютого, названного многими историками Смелым, как и его последователя Ивана Подковы, совпадали с подобным видением.

Один из представителей новой волны историков, Богдан Петричейку Хашдеу, в 1865 году издал очерк «Иоан Водэ Лютый» (1572-1574), в котором на солидном фактическом материале проанализировал этот знаменательный для молдаван период антитурецкой борьбы. Петра Хромого он характеризует как «молодого человека, воспитанного греками, приятеля боярства, т. е. ненавистного народу»⁵⁵. Его видение казаков, пришедших на помощь молдаванам, изложено в легкой литературной манере, но очень метко и поэтому заслуживает внимания. «За Днестром, на границе Польши с Татарской страной, – рассказывает Хашдеу, – пятьдесят лет тому сформировалась маленькая республика смельчаков, лозунгом которых стало уничтожение врагов христианства. Та рыцарская республика, – продолжает автор, – образовалась из трех соседних народов: румын, поляков, московитов, которые забывали здесь свою национальную неприязнь для того, чтобы ненавидеть вместе только магометанцев. Разговаривали на смешанном языке, который понимали все». Дается характеристика запорожцев как воинов: «Они были всадниками, моряками, всеми по очереди, в зависимости от потребности: всадниками в степи, пешими в горах, моряками на воде. Их стратегия была татарской, а тактика скорее польской. Их жизнь была сплошным бродяжничеством для отслеживания врага, их оружие: лук, сабля, копье, особенно ружье, из которого они стреляли исключительно метко». Оценивается социальный состав сечевиков: «Все они были парнями без женщин и детей, их ряды постоянно пополнялись приходящими отовсюду молодцами, преступниками, авантюристами, которые находили здесь себе приют».

В поисках этимологии слова «казак» Хашдеу придерживается старой версии М. Костина: «Таким образом, они стали грозной силой под названием казаки, то есть людей легких, как косули», – заключает он рассказ о запорожцах.

Ион Лютый, по версии Б. Хашдеу, ожидал помощи от «губернатора южной Польши князя Острожского». Он характеризует позицию украинского воеводы: «Острожский, – говорит он, – с одной стороны, будучи греческого вероисповедания, симпатизировал румынским единоверцам и презирал фанатичный папизм нового польского короля, с другой стороны, будучи руководителем южных рубежей Польши, он не имел покоя от бесконечных татарских нашествий, что положило начало

⁵⁵ Богдан Хашдеу, *Иоан- Водэ чел Кумплит ...*, р. 52.

неумемной ненависти ко всему мусульманскому, поэтому просьба Иона Водэ задела деликатные струны его сердца». Как результат, повстанцам была оказана помощь в 600 казаков под предводительством известного моряка Покотила. Очень высокую оценку получает «герой Свирчевский»: «Хотя он и не является румыном, он заслуживает того, чтобы быть среди святых: эпитет, который наш народ давал не за аскетические подвиги, но исключительно защитникам страны», – заключает автор⁵⁶.

Завершающая часть очерка посвящена Ивану Подкове как последователю Иона Лютого. Год 1577-й, три года после гибели смелого воеводы, описывается с грустью: «На престоле Молдовы, после того, как он был куплен ценой двойной дани и потоками румынской крови, правил в тишине, как на кладбище, Петру Хромой, окруженный мироедами, которые называли его “маткой без жала” и монахами, которые восхищались его знаниями астрономии и музыки. Крестьяне голодали. Казна была пуста. Янычары, из которых состояла княжеская гвардия, были хозяевами в городах и селах». Вот почему казаков в Молдове встретили «как друзей, а Подкову – как спасителя»⁵⁷. В дальнейшем он подробно описывает битвы Подковы с Хрымом и причины ухода казаков из Молдовы. «Характер Подковы, – заключает Хашдеу, – представляет тип средневекового рыцарства: презрение к материальным выгодам, неумемная любовь к славе. Он с небольшим количеством людей показал миру, что может завоевать княжескую мантию. С горсткой людей он доказал миру, что умеет побеждать гидру. За четыре года в непрерывной борьбе с неверными он ни разу не потерпел поражения...»⁵⁸. Дальнейшая судьба И. Подковы, как и его героическое поведение перед казнью во Львове, подробно описана в очерке румынского автора. В завершении он приводит слова львовского католического архиепископа, который, по его словам, будучи явным врагом православия, был вынужден констатировать, что «почти все граждане сожалели о смерти этого отважного молдаванина, и король многое потерял из-за этого в глазах других народов...»⁵⁹.

Итак, с легкой руки Б. П. Хашдеу началось новое формирование стереотипа Ивана Подковы: настоящего рыцаря, героического борца за освобождение от турецкого ига, справедливого по отношению к простолюдинам князя.

Новый стереотип был поддержан самыми популярными историками

⁵⁶ *Ibid.*, p. 53, 77, 84, 114.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 117, 121.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 124.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 134.

Румынии. А. Д. Ксенопол называл Ивана Подкову «отважный Иоан Никоарэ Поткоавэ»⁶⁰. К. К. Джюреску многочисленность «паньчей» при княжении Петра Хромого объясняет его слабостью, отсутствием харизмы⁶¹, предлагает полный список претендентов на его трон. Показывая отвагу Подковы во Львове, приводит его слова перед казнью: «Люди добрые, знаете ли вы, почему мне сейчас отрежут голову? Потому что я насытил свою саблю турецкой кровью и так много раз рисковал своей жизнью в борьбе с вашими врагами и врагами всего христианства»⁶². Цитата не воспроизводит подлинную речь казацкого предводителя, но очень хорошо передает суть сказанного. Приведённая речь Подковы показывает позицию автора относительно приоритетов его деятельности, в частности, основой формирования стереотипа является антитурецкая позиция казака.

С симпатией также оценивается деятельность славного казака молдавскими историками советского периода. Но основной упор в их анализе делается на классовой составляющей событий. Само название подзаголовка статьи, помещенной в двухтомнике «Истории МССР», убедительно иллюстрирует эту позицию: «Ион Поткова и его борьба с молдавским боярством и Турцией»⁶³. Классовым подходом проникнута вся статья: широкие народные массы ненавидели Петра Хромого, запорожцы братались в Молдове с народом и они совместными усилиями били турок и их прислужников из числа молдавских феодалов, войско господаря было разбито казаками и массами молдаван; валашские, венгерские и польские феодалы пошли против Подковы, потому что боялись, чтобы крестьянская война не распространилась на их страны и т. д.⁶⁴ Но, несмотря на односторонний анализ, положительный стереотип казацкого атамана только подкреплялся, расширяясь в сторону борьбы за социальную справедливость. Подобная оценка в советские времена была индульгенцией от критики и пропуском в число героев, поэтому роман М. Садовяну как в Румынии, так и в Советской Молдавии имел хорошо подготовленную почву для успеха.

Образ Ивана Подковы

⁶⁰ Alexandru D. Xenopol, *Istoria românilor din Dacia Traiană* [History of Romanians from the Traian Dacia], vol. III, University of București Publishing House, 2005, p. 119.

⁶¹ Constantin C. Giurescu, *Istoria românilor* [History of Romanians], II, București, Royal Foundation for Literature and Art Publishing House, 1943, p. 237.

⁶² *Ibid.*, p. 238.

⁶³ *История РСФСР...*, p. 260.

⁶⁴ *История РСФСР ...*, p. 261.

в романе румынского писателя Михаила Садовяну

Роман Михаила Садовяну «Никоарэ Подкоавэ», напечатанный в 1952 году, был переработанной версией «Соколов», написанный им на заре своей писательской карьеры в 1904 году. Работа имела большой успех и, по мнению большинства авторов, привела Ивана Подкову к вершинам популярности.

На страницах книги Ион Никоарэ Подкоавэ предстает уже в возрасте мудрости, когда выглядел «приличным и без спеси, выющиеся волосы причесаны посередине, как святой», хотя никто не забывал, что он является «мужем отважным со славным именем, создав переполох между народами», о котором казаки составляли песни. «Сейчас, уже с сединой, он стал более мягкого нрава», но его младший брат Александру помнил прошлые отчаянные подвиги гетмана, когда он во главе казаков на сорока сорокавесельных чайках брал Синоп, что в «стране неверных». Подкова принимал также участие в кампании Иона Лютого, брата по матери, против османов. Он чудом спасся после поражения у Кагульского озера. Побудительный мотив его дальнейшей борьбы – это месть тем великим боярам, которые предали господаря Лютого в решающей битве. «Когда готовился его величество Ион-водэ идти жертвой в лагерь беглербея, поцеловал мне лоб в своем шатре, снял саблю. Неси ее ты! Будь достойным», – этот символический поступок подпитывает неумную энергию казака в бесконечном противостоянии турецкому присутствию в Молдове и желании мстить отступникам и османским прислужникам. Основным его противником является воевода Петр Хромой, «измаильтянская кукла», при правлении которого «не имеет народ ни зернышка пшеницы, чтобы накормить детей, ни места для захоронения стариков, ни слез, чтобы оплакивать свое рабство...». Поэтому защита простых людей является естественным долгом будущего молдавского господаря. Крестьяне воспринимают казака как своего защитника: «Ваше величество, возвращайся, чтобы лишить нас измаильтянского гарача (дань, которая выплачивалась ежегодно султану), грабежа княжеских сборщиков поборов, ногайских поджогов, чтобы мы могли в покое доживать дни, которые нам отведены в этом мире». К этому добавляется и твердая позиция Подковы защищать христианство. При захвате Ясского престола, его рукоположил митрополит Анастасие, который заверяет верующих в том, что новый воевода пришел не по воле турецких неверных, а с христианским войском, чтобы силой своего меча защищать веру. Они противопоставляют его Петру Хромому, которого не воспринимают как

своего: «Он не наш. Он принадлежит туркам и боярам. Турки, бояре и воевода обдирают страну, как чабаны овцу, выбранную на обед. Нам не нужен вражеской господарь; нуждаемся в своем воеводе, таком, каким был его величество Ион»⁶⁵. Поэтому, при вынужденном отходе нового князя из Молдовы, словами одного из персонажей рассказа, Митри Лэкустяна, характеризуются его деяния: «Боже, рады мы, жители этой земли, приходу Вашего величества и скорбим, что уходишь от нас. Ты научил нас справедливости, уменьшил количество наших поработителей и призвал к вольности, которую имели наши прародители (...) оставил надежду на освобождение...»⁶⁶.

Подкова на страницах романа выступает образованным человеком, который учился в юности в Барском колледже. Даже в походах, в оббитом железом сундуке, он вез с собой дорогие его сердцу книги. «И во время зимней лени, когда ветер гудит в оконных стеклах и огонь грохочет в высокой печи, он доставал то детское очарование и наслаждался стихами древних латинских и греческих поэтов или рассказами о прошедших временах». В этом контексте естественным выглядит анализ геополитической ситуации, сделанный его сторонниками: «...Вот Валахия, вот Молдова, вот Ардял и Венгерская страна, много лет тому назад затоптанные всадниками султана Сулеймана; вот Крым и Буджак под нашими ребрами, вот райи в Тигине и Хотине; вот крепости его величества в руках измаильтян, вот закрытое море для нашей торговли, германской империи и генуезцев, вот перекрытые пути с севера на юг и с запада на восток...»⁶⁷.

В предсмертной речи отважный казацкий атаман и господарь Молдовы отмечает антитурецкую направленность своей деятельности, подчеркивая, что «король уничтожает одного из воинов христианства» и покрывает себя позором. С его крови, говорит он, «прорастет расплата, как прорастает пшеница из зерна». А его собратья уверены в том, что «его величество Никоарэ пронесся, как народная мечта. С его духа, который не угасает, вспыхнем и мы, как загорается свет от света»⁶⁸.

В своем романе М. Садовяну, изучив обычаи и менталитет украинцев, создал героический образ Ивана Подковы. С такой же симпатией он относится к украинцам, хорошо понимая условия их существования. Впервые здесь встречаем описание простых украинских крестьян: «... в

⁶⁵ Михаил Садовяну, *Никоарэ Поткоавэ ...*, р. 103, 125-126, 131, 203, 332-333.

⁶⁶ *Ibid.*, р. 373.

⁶⁷ *Ibid.*, р. 209, 213, 373.

⁶⁸ *Ibid.*, р. 382-384.

Могилеве (...) где-то двадцать хохлов, крестьян, присланных паном Тадеушем, с расчесанными волосами, в чистых кожихах и сапогах, смазанных дегтем, спокойно и равнодушно смотрели на мещан...». Эти «хохлы» вместе с молдаванами сопровождали Подкову в Сечь и по дороге отмечали, что от Умани уже не ощущалась власть поляков. «Паны, – подчеркивает автор –, не смели заходить сюда без войска. Народ настойчиво защищал свою волю; Краков не считал нужным подавить такое сопротивление. Под угрозой нападений южных соседей поляки были готовы сохранить даже такую неуверенную власть». Поэтому, заходя на территорию Молдовы, казаки утверждали, что идут не грабить, а «установить справедливость и радовать народы...»⁶⁹.

Молдаване замечают у казаков некоторые необычные традиции. Например, при встрече хозяина они не снимают шапок, ибо, как отмечает автор, в лагере запорожцев встречают гетманов и есаулов с покрытой головой. Один из героев романа, Карайман, рассказывает о том, что казаки, когда им не везет в делах, целятся стрелами в облака. «Против злых орлов?», – спросил товарищ. «Нет, против бога», – был ответ. «Неужели они такие язычники? Нет, они не язычники, они такие же православные, как и мы, крестятся так, как я и ты, но они такие горячие, как та фузия, что сейчас появилась при королевских дворах: взрываются с одной искры...»⁷⁰.

Костандие Шах, гетман низовых казаков (реальная историческая фигура – Яков Шах), как утверждает Садовяну, участник антитурецкой кампании Иона Лютого, сопровождает Подкову в обоих его молдавских походах, получит замечательную характеристику. «Небольшого роста, живой взгляд, орлиный нос. Улыбка тонкая, говор мягкий. В войне любил использовать более ум, чем палаш. Поэтому голову сохранял холодную, и чрезмерная выпивка вызывала у него отвращение. Был бы хорошим монахом, если бы не оказался таким прилежным воином»⁷¹. Шах был очень хорошим гетманом, все хозяйство было у него в порядке, особенно он заботился о лошадях. Его заслугой перед запорожцами была ловля и укрощение диких лошадей, которые жили в степи. Автор утверждает, что эти лошади остались от скифов и сарматов, одичали и кормились на забытых пастбищах, на островах и пустынях. Со временем выжила «крепкая порода с широким копытом, что позволяло им проходить болота, и длинными волосами зимой, которые линяли под весенним солнцем». В отличие от татар, которые загоняли этих лошадей в болота, ловили для

⁶⁹ *Ibid.*, p. 211, 234, 289.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 32.

⁷¹ *Ibid.*, p. 260.

мяса, казаки арканили их и использовали для походов. «Особенно искали отяжелелых кобыл, которые после родов, полностью поддаются человеку, а жеребенок становится лучшим боевым конем», – описывает автор этот казачий промысел.

Также живо изображается и быт казаков. Сами казаки утверждали, что в походе не требуют еды от местного населения, так как возят с собой сало, соленое и копченое мясо, сухари и гурут. А гурут они научились готовить от монголов: «гречневая мука и пшеница, заквашенные с брынзой, молоком и яйцом; тесто, утончённое скалкой, резали мелкой лапшой, сушили в печи или на солнце и загружали в мешки». В походе гурут варили и получали замечательный суп⁷². Благодаря этому казаки не задерживались долго на месте и преодолевали быстро большие расстояния, что в военном деле имело немаловажное значение.

Взаимоотношения запорожцев с татарами, вопреки давнему стереотипу, являются союзническими. Татары, как утверждает автор, осуждали то, как турки поступили с Ионом Лютым (не сдержали своего слова и казнили воеводу). Согласно плану, ногайцы должны были поддержать Подкову при захвате власти в Молдове. «Когда пойдём на Молдову, сзади и сбоку мы не должны иметь врагов. А страна, в которую мы идем, должна быть защищена от грабежей чамбулуков», – говорит по этому поводу Никоарэ. В романе описывается дружеская встреча с ногайцами (с Демир-ханом) на охоте недалеко от Казак-Бунара, а перед самым походом происходит новая встреча⁷³, где Подкова получил возможность отомстить убийце Лютого – Чигале.

Мы неоднократно подчеркивали значение местности, где проживает народ, для создания его этностереотипа⁷⁴. В этом нет намёка на географический детерминизм или антропогеографию, согласно которым природные условия формируют национальный дух и национальный характер. Это один из элементов мозаики, дополняющий различные грани портрета определенного народа. В художественных произведениях описание климата, флоры и фауны, места жительства играет на усиление положительного или отрицательного образа героя или целого этноса.

⁷² *Ibid.*, p. 281.

⁷³ *Ibid.*, с. 255, 265, 295.

⁷⁴ Антоній Мойсей, Аркадій Моїсей, *Українці в стереотипах румунів та молдаван (2). Одруження Тимоша Хмельницького та Роксандри Лупул у румунських джерелах* [Ukrainians in stereotypes of the Romanians and Moldavians (2). Marriage of Tymish Khmelnytsky and Roksolana Lupul in thr Romanian sources], in “Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології (Збірник наукових праць)”, Т. 2 (36), Чернівці, Друк Арт, 2013, p. 187-203.

Рассказ М. Садовяну о климате Запорожья усиливает стереотип о твердости характера сечевиков, об их умении приспосабливаться к суровым условиям обитания. «Там люди носят шапки и кожухи, ледовые сосульки в бороде и бровях, сапоги с кошмы, как бочки, и кажется, что они только что пришли на прогулку от ледовитых морей...», – описывает автор зиму. Но строгость изложения становится мягкой и жизнеутверждающей весной, когда «трескается лед на Днестре и новая вода затапливает плавни. В этих кубках прозрачности, в которых скребет себе гнездо света солнце, начинает гостить дичь из теплых морей в своем спешном прохождении к полярной оттепели...»⁷⁵. А в поймах жизнь дичи бурлит, здесь собрались «гуси всей земли», казакам предоставляются огромные возможности для охоты. Одним словом, в суровом климате и в дикой природе живут мужественные люди, которые любят свободу и справедливость.

Итак, роман М. Садовяну способствовал созданию положительного стереотипа казака И. Подковы, запорожцев и украинского народа, хотя дискуссионной до сих пор остается мотивация автора. То есть, почему он решил на завершающем этапе своей писательской карьеры вернуться к теме, поднятой им в ее начале в новелле «Соколы». Существует мнение, с которым согласны и авторы данной статьи, согласно которого «Никоарэ Подкоавэ» позволил Садовяну «вновь погрузить роман в историческое время, и одновременно намекнуть на социальную справедливость, как пророчество о будущих коммунистических молочных и медовых временах, что нравилось новым социальным господам»⁷⁶. Это еще раз подтверждает тезис о взаимозависимости созданного стереотипа и субъективной, личной или социальной, позиции автора.

Выводы

Процесс создания стереотипа, как мы видим, проходит определенные этапы, имеет свою внутреннюю логику, испытывает различные воздействия. Притом, следует отметить, что он не является завершенным. Сегодня еще появляются материалы, посвященные личности И. Подковы. Некоторые авторы, анализируя политическую ситуацию той эпохи, оценивают трагичность судьбы казака, соискателя молдавского трона, как жертвы геополитической игры между великими державами того времени – Польшей и Османской империей. Другие обращают внимание на

⁷⁵ Михаил Садовяну, *Никоарэ Поткоавэ ...*, p. 269-271.

⁷⁶ Robert Ancuceanu, *De ce s-a întors Sadoveanu la „Nicoară Potcoavă”* [Why Sadoveanu came back to Ivan Pidkova] in anuceanu.wordpress.com (Accesed in 16.08.2012).

человеческий фактор: люди строили между собой отношения в конкретных социальных, политических и межнациональных условиях.

При таких обстоятельствах на княжеском престоле средневековой Молдовы находились Александру и Константин Подковы, Петр Лунгул, Петр Казаку, а гетманскую булаву держали молдаване Г. Лобода, Т. Байбуза, С. Кишка, И. Сырку, Т. Волошанин, Д. Апостол и др. В этой борьбе проявляли героизм и мужество многие из этих лидеров. Иван Подкова является одним из них, и наиболее ярким. Своим достойным поведением при несправедливой казни он вызвал к себе уважение не только современников, но и потомков. Румыноязычные авторы рассказывают своим читателям о памятниках, посвященным И. Подкове во Львове, в Гданске, а К. Падурян завершает свою статью «Как стал Никоарэ Подкоавэ идиолом украинцев» символическими словами: «Независимо от того, кто отстаивает на него права: армяне, румыны или украинцы, Никоарэ Подкоавэ остается одним из самых славных рыцарей в истории Восточной Европы»⁷⁷.

Таким образом, в румыноязычной литературе в создании стереотипа Ивана Подковы наблюдаем две тенденции – негативную и позитивную, которые противоречат одна другой, но сосуществуют долгие годы. Одновременно нельзя не отметить, что мощное влияние патриотической освободительной волны XIX века и идеи социальной справедливости, доминирующие в XX в., способствовали приоритету положительного стереотипа.

⁷⁷ Claudiu Pădurean, *Cum a ajuns Nicoară Potcoavă ...*, p. 2.